

Глобальные экологические вызовы и современное международное право

**Алексей Станиславович
ИСПОЛИНОВ,**
приглашенный профессор
Всероссийской академии
внешней торговли,
доктор юридических наук
ispolinov@inbox.ru
119285, Россия, г. Москва,
Воробьевское ш., д. 8

Сохраняя сдержанность: Консультативное заключение Международного Суда ООН по климату от 23 июля 2025 г.

Аннотация. В статье Консультативное заключение Международного суда ООН по климату 2025 г. рассматривается как часть скоординированной кампании стран Глобального Юга по привлечению к материальной ответственности западных стран за их «исторический» вклад в изменение климата, непосредственно связанный с их колониальным прошлым. Несмотря на очевидное давление, оказанное на Суд, он был более чем осторожен в своих выводах об ответственности одной группы государств перед другой, указав, что все государства, пусть и в неравной степени, вносят свой вклад в глобальное потепление. С учетом осторожности со стороны международных судов в вопросах ответственности государств более перспективным для заявителей смотрится предъявление исков к крупным западным компаниям — эмитентам парниковых газов. Реальные шаги государств по снижению темпов роста потепления отходят на второй план, а главным оказывается вопрос о компенсациях.

Ключевые слова: Международный Суд ООН, изменение климата, ответственность, компенсация

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.136.12.112-124

Alexey S. ISPOLINOV,

Guest Professor of the All-Russian

Academy of Foreign Trade,

Dr. Sci. (Law)

ispolinov@inbox.ru

8, Vorobyovskoye shosse, Moscow, Russia, 119285

Maintaining Restraint: Advisory Opinion of the International Court of Justice on Climate Change, dated 23 July 2025

Abstract. *The 2025 Advisory Opinion of the International Court of Justice on Climate Change is seen as part of a coordinated effort by the Global South to hold Western countries accountable for their "historical" contributions to climate change, which are directly linked to their colonial past. Despite the apparent pressure on the court, it has been cautious in its conclusions about the responsibility of one group of states towards another, emphasizing that all states, albeit to varying degrees, contribute to global warming. Given the caution of international courts in matters of state responsibility, it seems more promising for applicants to file lawsuits against major Western companies-emitters of greenhouse gases. In this case, the real steps taken by states to reduce the rate of global warming take a backseat, and the main focus of the lawsuits is on compensation.*

Keywords: *International Court of Justice, Climate Change, Responsibility, Compensation*

Введение. Политико-правовой контекст

По мере роста количества решений национальных и международных судов, где рассматриваются различные вопросы «климатической повестки», а также изменения тематики поставленных заявителями перед этими судами вопросов все чаще закрадывается подозрение, что все эти судебные процессы носят далеко не хаотичный характер. В этом случае перед нами яркий пример strategic litigation (стратегического судебного разбирательства), которое в литературе описывается как использование согласно разработанному плану доступных судебных и арбитражных механизмов для создания перемен (правовых, политических, социальных) за пределами конкретного дела или интересов конкретного заявителя¹.

Скоординированность климатических судебных процессов как на национальном, так и на международном уровне уже признается в литературе². На

¹ *Pas K. van der.* Strategic Litigation / M. Fink (ed.). Redressing fundamental Rights Violations by the EU. The promise of the 'complete system of remedies, 2024. P. 209.

² *Kovács A., Luckner R., Sekula A., Kantorowicz J.* Beyond courts: Does strategic litigation affect climate change policy support? // International Review of Law and Economics. 2024. Vol. 79. P. 2.

национальном уровне тон был задан решением голландского суда по делу *Urgenda*³, за которым последовал целый ряд аналогичных процессов в других странах⁴. На международном уровне в авангарде оказались Комитет по правам человека, вынесший в 2022 г. решение по жалобе *Daniel Billy et al v. Australia*⁵, и ЕСПЧ, где решение 2024 г. Большой Палаты по делу *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland*⁶ вызвало неоднозначную реакцию государств и академического сообщества⁷.

Судя по смене вектора движения, первоначально заданному активистами общественных движений, которые выступали в первую очередь за изменение политики государств в отношении глобального потепления, климатическая судебная повестка была успешно перехвачена многочисленной армией судебных юристов, увидевшей новый и очень перспективный рынок для своих услуг. Как отметил один американский комментатор, климатические судебные разбирательства оказались очень активной и динамичной областью, которая вот-вот приобретет новые измерения и масштабы⁸.

При этом вектор судебных атак заявителей сместился с побуждения государств к более активным действиям в этом направлении к вопросам материальной ответственности не только государств, но и в первую очередь частных компаний — эмитентов выбросов за уже понесенный ущерб в результате изменения климата. На наш взгляд, всю цепочку новой волны климатических исков нужно рассматривать как согласованные действия, нацеленные в первую очередь на получение компенсации именно от компаний как более доступных и более уязвимых ответчиков в этом отношении⁹.

Немало шума наделало недавнее решение немецкого суда по делу *Lliuya v. RWE* о привлечении к материальной ответственности одного из немецких энергогигантов за его «исторический» вклад в общее глобальное потепление (согласно опубликованным ранее экспертным оценкам этот вклад был оценен в 0,38 % от общего вклада всех эмитентов за период с 1854 по 2010 г. в уже состоявшееся изменение климата¹⁰). Истец, гражданин Перу, в своей неудавшейся

³ The Supreme Court of the Netherlands, *Urgenda v. Netherlands*, Judgment of 20 December 2019, Appl. no. 19/00135, Hoge Raad, 59 ILM 811.

⁴ *Savaresi A.* Climate change litigation: the role of international law // Cambridge International Law Journal. Vol. 13. № 2. P. 289.

⁵ UNHR Committee, Views Adopted by the Committee under Article 5(4) of the Optional Protocol, concerning Communication No. 3624/2019 (21 July 2022) UN Doc CCPR/C/135/D/3624/2019.

⁶ ECHR, *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland* App. No. 53600/20 (ECtHR, 9 April 2024).

⁷ *Heri C.* The ECtHR's *KlimaSeniorinnen* Judgment: A Cautious Model for Climate Litigation // Spanish Yearbook of International Law. 2025. Vol. 28. P. 311—319.

⁸ *Markell D., Ruhl J.* An Empirical Assessment of Climate Change in the Courts: A New Jurisprudence or Business as Usual? // Florida Law Review. 2012. Vol. 64. № 1. P. 70.

⁹ *Ganguly G., Setzer Y., Heyvaert V.* If at First You Don't Succeed: Suing Corporations for Climate Change // Oxford Journal of Legal Studies. 2018. Vol. 38. № 4. P. 842.

¹⁰ *Heede R.* Tracing anthropogenic carbon dioxide and methane emissions to fossil fuel and cement producers, 1854–2010 // Climatic Change. 2014. Vol. 122. P. 229—241.

в итоге попытке впервые в мировой практике просил суд обязать ответчика компенсировать ровно 0,38 % его расходов на укрепление жилища, понесенных для устранения угрозы прорыва воды из ледникового озера из-за таяния ледника вследствие глобального потепления¹¹. В этом деле надо отметить скоординированный поиск потенциальных заявителей и ответчиков, при этом заявителям оплачиваются все их судебные расходы (если не думать, что житель Перу сам решился на дорогостоящий многолетний судебный процесс в Германии, выбрав наобум немецкую компанию в качестве ответчика и прося суд компенсировать лишь 0,38 % своих затрат).

На международном уровне сходные по своей сути запросы получили в 2023 г. практически одновременно сразу три международных суда: Межамериканский суд по правам человека (МАСПЧ), Международный Суд ООН (МС ООН) и Международный трибунал ООН по морскому праву (МТМП). Такая синхронность представляется неслучайной и наводит на мысли о скоординированных усилиях заявителей с целью создать конкуренцию между судами в части аргументации и в части желаемых для заявителей результатов. В этом случае параллельные судебные процессы рассчитаны на получение наилучшего из возможных вариантов.

Консультативные заключения международных судов потребовались из-за того, что в позициях государств и в научной литературе по климату стали все отчетливее нарастать несколько плохо сочетаемых между собой тенденций. С одной стороны, стал заметен рост влияния колониального дискурса в климатической литературе и выступлениях государств Глобального Юга, согласно которому основной ущерб климату был нанесен не в последние десятилетия, а значительно раньше, начиная с индустриальной революции (или даже чуть ли не с момента открытия Колумбом Америки), и во многом был связан с бесконтрольным использованием природных ресурсов своих колоний колониальными державами¹². Под этот нарратив подводится научное обоснование с соответствующими цифрами, и буквально на глазах это начинает восприниматься многими (в том числе и международными судами) как *best available science* (этот термин был многократно использован в консультативных заключениях международных судов).

Так, по данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата (Intergovernmental Panel on Climate Change), доля наименее развитых стран в совокупных выбросах CO₂ в результате сжигания ископаемого топлива и промышленных процессов (CO₂-FFI) в период с 1850(!) по 2019 г. составила 0,4 %; доля трех развивающихся регионов (Африка, Азиатско-Тихоокеанский регион и страны Латинской Америки и Карибского бассейна) в совокупности составила 28 %; в то время как доля развитых стран — 57 % (эти данные были приведены в Консультативном заключении МС ООН¹³).

¹¹ Ricciardi P. *Lluya v.rwe: A Leap Forward for Private Climate Litigation?* // *Climate Law*. 2025. Vol. 15. № 1—2. P. 209.

¹² Bhabra G. K., Newell P. *More than a metaphor: 'climate colonialism' in perspective* // *Global Social Challenges Journal*. 2023. Vol. 2. № 2. P. 182.

¹³ ICJ, *Obligations of States in respect of Climate Change, Advisory Opinion of 23 July 2025*. P. 80.

Помимо устоявшегося термина «историческая ответственность развитых стран за изменения климата», появился и активно используется термин «климатический колониализм», согласно которому колониализм не ушел в прошлое, он существует и сейчас, просто в другой форме¹⁴. Эта концепция исходит из понятия климатической несправедливости, когда те, кто внес наибольший вклад в создание опасных для жизни последствий изменения климата, оказываются в меньшей степени подвержены воздействию таких изменений и при этом обладают наибольшими возможностями для смягчения этих последствий для себя. Такой подход позволяет вывести из-под удара новые индустриальные державы (Китай, Индия, Бразилия), не ссориться с США (которые никогда не считались колониальной державой) и оставить под прицелом только крупные европейские страны. Именно так воспринимается Глобальным Югом практическая реализация концепции «общей, но дифференцированной ответственности», зафиксированной в международных документах по изменению климата.

С другой стороны, активно обсуждается и поддерживается рядом государств точка зрения, согласно которой основные климатические соглашения (Рамочная конвенция ООН 1992 г. об изменении климата, Киотский протокол к ней 1997 г. и Парижское соглашение по климату 2015 г.) сознательно не предусматривают жестких обязательств для государств-участников, являясь результатом сложного компромисса между государствами. Если такие обязательства все же есть, то эти соглашения намеренно содержат очень мягкие формулировки об ответственности за их нарушения. Данные формулировки будут считаться договорными *lex specialis* по отношению к общим нормам об ответственности государств (как в случае с ВТО, где специфика *lex specialis* состоит в том числе в отсутствии права требовать возмещения нанесенного нарушением норм ВТО ущерба).

Эти разночтения проявляются в растущем нежелании развитых государств исполнять в срок свои обязательства по климатическим соглашениям, а также в планах государств выйти из этих договоров. США уже второй раз за 10 лет вышли из Парижского соглашения по климату, о намерениях выйти из этого договора заявили Индонезия и Аргентина. При этом развитые страны (в первую очередь США и Великобритания) рекордными темпами наращивают количество лицензий на добычу ископаемого топлива, вместо того чтобы уходить от его использования¹⁵.

Кроме того, стала заметной утрата доверия у значительной части населения, в первую очередь в западных странах, к апокалиптическим расчетам и выводам ведущих специалистов по климату, среди которых традиционно наибольшим авторитетом пользовалась указанная выше Межправительственная группа экспертов по изменению климата. Деятельность Группы, равно как и сделанные ею оценки и выводы, подвергается критике и сомнению из-за выбранных моделей для оценки последствий, а сама Группа воспринимается как предвзятая

¹⁴ *Bhambra G. K., Newell P.* Op. cit. P. 181.

¹⁵ Revealed: wealthy western countries lead in global oil and gas expansion // Guardian July 24, 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/jul/24/new-oil-gas-emission-data-us-uk#:~:text=A%20surge%20in%20new%20oil,exclusively%20with%20the%20Guardian%20reveals.>

научно-пропагандистская организация (a scientific advocacy organization)¹⁶. Эта утрата доверия и нарастающий скепсис грозят подорвать авторитетность научного базиса, на котором страны Глобального Юга годами выстраивали всю свою позицию. Возникающие сомнения предполагалось погасить за счет признания международными судами авторитетности выводов Межправительственной группы экспертов.

При таких условиях консультативные заключения международных судов нужны были в первую очередь странам Глобального Юга, чтобы сделать признание исторической климатической ответственности стран Глобального Севера необратимым и заложить правовые основы для получения соответствующих компенсаций¹⁷.

Консультативные заключения Трибунала по морскому праву и МАСПЧ

Первым свое заключение по вопросам изменения климата представил Трибунал по морскому праву, который рассмотрел эти вопросы с точки зрения обязательств государств по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁸ Трибунал обосновал обязательства государства по борьбе с антропогенными выбросами как источником загрязнения в соответствии со ст. 194 Конвенции по защите и сохранению морской среды в связи с последствиями изменения климата и общим окислением океана. Заключение Трибунала подробно освещалось в литературе¹⁹, однако, судя по разочарованной тональности комментариев, оно не полностью выполнило возлагаемые на него надежды. Согласно этим оценкам, Заключение Трибунала вряд ли окажет существенное (прямое) влияние на национальную климатическую политику государств и даже рискует подорвать Парижское соглашение²⁰.

На этом фоне консультативное Заключение МАСПЧ смотрелось гораздо более радикальным. Суд сразу заявил о существовании самостоятельного отдельного

¹⁶ Подробнее критику Группы см.: *Tranter B., Lester L., Foxwell-Norton K., Palmer M. A.* In science we trust? Public trust in Intergovernmental Panel on Climate Change // *Public Understanding of Science*. 2023. Vol. 32. № 6. P. 691—708.

¹⁷ *Reyes L., Burri N.* Transnational corporate liability in the era of loss and damages: the case of *Asmania et al. v. Holcim* // *Zirulia S., Sandrini L. Pitea C.* (ed.). *What future for environmental and climate litigation? Exploring the added value of a multidisciplinary approach from international, private and criminal law perspectives*. P. 98.

¹⁸ ITLOS, Request for an Advisory Opinion Submitted by the Commission of Small Island States on Climate Change and International Law, Advisory Opinion, ITLOS Case No. 31, 21 May 2024.

¹⁹ *Klerk B. E.* The ITLOS advisory opinion on climate change: Revisiting the relationship between the United Nations Convention on the Law of the Sea and the Paris agreement // *RECIEL*. 2025. Vol. 34. № 1. P. 181—193; *Солнцева А.* Международный трибунал по морскому праву в поисках консенсуса: Консультативное заключение от 21 мая 2024 г. об изменении климата // *Международное правосудие*. 2024. Т. 14. № 4 (52). С. 38—49.

²⁰ *Klerk B. E.* Op. cit. P. 192.

права человека на здоровый климат, под которым нужно понимать «возможность для каждого человека жить в климате, свободном от антропогенного вмешательства»²¹. Защита этого права, по мнению Суда, является обязательным условием для реализации других прав человека.

МАСПЧ, следуя уже сложившейся тенденции судов, региональных властей и парламентов ряда стран Западного полушария, признал природу (Nature) и ее «составные части» (леса, реки и моря) субъектами права (п. 279—286). Понимание правового значения такого признания можно получить из соответствующей формулировки Конституции Эквадора 2008 г., на которую ссылается МАСПЧ в обоснование своего вывода. Так, статья 71 этой Конституции гласит, что «природа, или Pacha Mama, которая воспроизводит и реализует жизнь, имеет право на полное уважение к ее существованию, сохранению и восстановлению ее жизненных циклов, структуры, функций и эволюционных процессов. Каждый человек, сообщество, нация или национальность могут требовать от государственных органов соблюдения прав природы». Таким образом, эта статья сразу определяет, кто может выступать заявителем требований в защиту прав природы как субъекта права и кто выступает в таких делах ответчиком.

Кроме того, МАСПЧ подтвердил свою репутацию горячего сторонника императивных норм (норм *jus cogens*) в международном праве, заявив, что запрет нанесения необратимого ущерба окружающей среде является нормой *jus cogens* (п. 293). В этом отношении МАСПЧ продолжил вызвавшую немало вопросов традицию судов различных уровней декларировать наличие такой нормы без каких-либо обоснований и проведения какого-либо анализа, при этом настаивая на обязательности своих выводов о таком статусе нормы для всего международного сообщества²².

Не менее интересно то, что МАСПЧ, вслед за МС ООН, полностью проигнорировал методику для идентификации норм *jus cogens*, предложенную в 2022 г. Комиссией международного права в Проекте выводов в отношении императивных норм общего международного права (*jus cogens*)²³, просто указав в одном предложении на практику государств (без пояснения). Для каких целей МАСПЧ прибегнул к концепции императивных норм, тоже в принципе понятно. Суд таким образом старается исключить возможность для государств предусмотреть

²¹ I/A Court H.R. The Climate Emergency and Human Rights (Interpretation and scope of Articles 1(1), 2, 4(1), 5(1), 8, 11(2), 13, 17(1), 19, 21, 22, 23, 25 and 26 of the American Convention on Human Rights ; 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 and 18 of the Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights “Protocol of San Salvador”, and I, II, IV, V, VI, VII, VIII, XI, XII, XIII, XIV, XVI, XVIII, XX, XXIII, and XXVII, of the American Declaration of the Rights and Duties of Man). Advisory Opinion AO-32/25 of May 29, 2025. Series A. No. 32. Para. 272.

²² *Исполинов А.* Несколько жизней доктрины императивных норм (*jus cogens*) в международном праве // *Международное правосудие.* 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 88—89.

²³ International Law Commission Draft conclusions on identification and legal consequences of peremptory norms of general international law (*jus cogens*), with commentaries. Adopted by the ILC at its seventy-third session in 2022. 18 April — 3 June and 4 July — 5 August 2022. UN Doc. A/77/10.

в каком-либо международном договоре различные вариации уклонения от исполнения этих запретов (в соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. договор, противоречащий норме *jus cogens*, является ничтожным).

Кроме того, в заключении МАСПЧ подчеркиваются, с одной стороны, историческая ответственность развитых стран, а с другой — экономические возможности этих стран по минимизации последствий изменения климата для развивающихся стран. МАСПЧ также указал, что «компании призваны играть фундаментальную роль в борьбе с чрезвычайной климатической ситуацией» и что выполнение этого «является обязательством, которое должно выполняться компаниями и регулироваться государствами» (п. 345).

Заключение МС ООН: комментарии общего порядка

В своем заключении МС ООН предложил собственную аргументацию выводов об ответственности государств за изменение климата²⁴. Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных аргументов и выводов МС ООН в Заключении по климату, хотелось бы сделать несколько комментариев общего порядка.

Во-первых, можно поставить под вопрос показательное единодушие судей МС ООН в виде единогласного принятия всех выводов резолютивной части Консультативного заключения, что в принципе нехарактерно для этого Суда. Обилие особых мнений и деклараций отдельных судей (их 12, написанных как индивидуально, так и совместно) говорит о том, что многие судьи остались недовольными итоговыми выводами Суда.

Во-вторых, ознакомление с выводами МС ООН показало, что инициаторы обращения с запросом в МС ООН добились практически всех своих целей. Так, выводы Межправительственной группы экспертов были восприняты МС ООН как *best available science* (наиболее достоверные научные данные). И именно на выводы этой Группы идут постоянные ссылки по тексту Заключения. Более того, МС ООН посчитал возможным в конце 2024 г. без указания каких-либо процедурных оснований для этого провести встречу только с представителями этой Группы. Как было написано в пресс-релизе Суда, встреча была проведена с целью «улучшить понимание Судом ключевых научных выводов, которые Группа делает в своих периодических докладах»²⁵.

Юридическая сила и объем климатических обязательств государств

Одним из ключевых моментов Заключения МС ООН было устранение Судом каких-либо сомнений в отношении обязательности положений климатических

²⁴ ICJ, *Obligations of States in respect of Climate Change*, Advisory Opinion of 23 July 2025.

²⁵ The Court meets with scientists of the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) Press release No. 2024/75 26 November 2024.

соглашений. Детально рассмотрев положения всех трех международных договоров, Суд признал, что эти договоры «налагают на государства жесткие обязательства по обеспечению защиты климатической системы и других компонентов окружающей среды от антропогенных выбросов парниковых газов, а невыполнение этих обязательств государствами влечет за собой международно-правовую ответственность».

Чтобы обуздать договорную свободу государств, МС ООН решил прибегнуть к собственному формулированию обычаев, регулирующих климатические обязательства государств. Можно напомнить, что в современном международном праве универсальные обычаи, в отличие от договоров, действуют для всех государств (за исключением тех государств, которые постоянно возражали против этого обычая на стадии его формирования). Однако какое государство сможет догадаться, какое именно правило и в какой момент будет провозглашено Международным Судом в качестве сложившейся нормы, чтобы заранее начать против него возражать? Кроме того, согласно принятому в доктрине подходу, к обычаям, в отличие от договоров, нельзя заявить оговорки и из обычаев нельзя выйти.

Следуя этой выбранной им логике, МС ООН напомнил, что, по его мнению, нормы международных договоров и нормы международного обычного права как нормы, относящиеся к двум источникам международного права, продолжают существовать раздельно, в том числе и для государств, ставших участниками соответствующего международного договора (п. 310).

С этих исходных позиций Суд заявил, что обычно-правовые обязательства любого государства, не являющегося участником одного или нескольких договоров об изменении климата, в настоящее время находят свое выражение в общей практике государств, которая соответствует их обязательствам по договорам об изменении климата. *Обычно-правовые обязательства одинаковы для всех государств и существуют независимо от того, является ли государство участником договоров об изменении климата (п. 315).*

Как отметил МС ООН в п. 409 Заключения, наиболее важным основным обязательством государств в отношении изменения климата является обязательство предотвращать значительный ущерб климатической системе и другим компонентам окружающей среды, которое *применяется ко всем государствам, включая те, которые не являются участниками одного или нескольких договоров об изменении климата.*

Таким образом, Суд зафиксировал сегодняшний уровень жестких обязательств государств по борьбе с изменениями климата как на уровне трех международных договоров, так и на соответствующем этим договорам уровне обычных норм международного права. Эти международные обычаи действуют для всех государств, в том числе для тех, которые не являются участниками климатических договоров (воздержавшись от участия в них или выйдя из них). При этом сегодняшний уровень обязательств государств по климату, основанный на обычаях, останется неизменным, даже если договорный уровень будет понижен путем заключения соответствующего международного соглашения.

Вопросы ответственности и проблема *lex specialis*

Не менее категоричен МС ООН был при решении вопросов об ответственности за нарушения государствами своих обязательств по климатическим соглашениям. Для начала Суд отметил, что государства разделились во мнениях относительно того, применяются ли общие правила о международной ответственности государств в контексте изменения климата или же правовые последствия, возникающие в результате нарушения климатических обязательств государств, преимущественно или исключительно регулируются нормами договоров об изменении климата, которые являются в этом случае *lex specialis*.

Анализируя механизм обеспечения соблюдения обязательств, предусмотренный всеми тремя климатическими соглашениями, МС ООН отметил, что он не обладает полномочиями по урегулированию споров. Кроме того, эти положения не затрагивают вопросы ответственности или компенсации сторонам за понесенные потери и ущерб, поскольку использованные в этих статьях выражения «в соответствующих случаях, на основе сотрудничества и содействия» подчеркивают сотрудничество, а не компенсацию или ответственность. Соответственно, Суд не находит в этих нормах четко выраженного *lex specialis*, который исключал бы применение общих правил об ответственности государств (п. 416).

Таким образом, суд пришел к выводу, что вопросы ответственности за нарушения обязательств по договорам об изменении климата, а также в отношении возмещения ущерба, вызванного неблагоприятными последствиями изменения климата, должны решаться путем применения общих норм об ответственности государств в соответствии с разработанными Комиссией международного права ООН статьями об ответственности государств 2001 г. (п. 420).

Суд также пояснил, что государства не должны нести ответственность просто потому, что желаемый результат ими не достигнут; скорее, ответственность возникает, если государство не принимает всех мер, которые были в его силах, для предотвращения значительного ущерба. Иными словами, международная ответственность наступает не за выбросы парниковых газов как таковые, а за нарушение договорных и обычных обязательств, касающихся защиты климатической системы от значительного вреда, возникающего в результате антропогенных выбросов таких газов. Государство также может нести ответственность, если оно не проявило должной осмотрительности в виде принятия необходимых нормативных мер для ограничения количества выбросов, производимых частными субъектами, находящимися под его юрисдикцией (п. 428).

Кроме того, МС ООН посчитал обязательства государств по климатическим договорам обязательствами *erga omnes partes*, что означает наличие правового интереса у всех государств в защите основных обязательств по смягчению последствий изменения климата, и все они могут призвать к ответственности другие государства за их невыполнение. Однако право требовать возмещения ущерба имеют только государства, непосредственно пострадавшие от таких правонарушений.

Явно выходя за рамки вопросов, заданных Генеральной Ассамблеей, Суд посчитал необходимым в очень осторожных выражениях сформулировать свое отношение к требованиям (как сейчас уже очевидно, неизбежным) о компенсации

за ущерб, связанный с изменениями климата. Суд указал в п. 454, что «в тех случаях, когда существует неопределенность в отношении точного размера причиненного ущерба, компенсация может быть присуждена в порядке исключения в виде общей суммы, но в пределах возможностей, указанных в доказательствах, и с учетом соображений справедливости». При этом как раз в контексте изменения климата возмещение в форме компенсации может быть трудно подсчитать, поскольку обычно существует степень неопределенности в отношении точного размера причиненного ущерба.

Сдержанность Суда

К огорчению государств Глобального Юга, Суд уклонился от четкого ответа об исторической климатической ответственности стран Глобального Севера, отметив несколько раз по тексту заключения, что «настоящее Заключение не касается призыва к ответственности отдельных государств или групп государств и определения их ответственности» (п. 109). Суд лишь коротко указал, что «антропогенное изменение климата по своей сути является следствием деятельности, осуществляемой в рамках юрисдикции или контроля всех государств, хотя исторический и текущий вклад отдельных государств существенно различается» (п. 277). Это означает, что все государства вносят свой вклад в выбросы парниковых газов и все страны подвергаются негативному воздействию изменения климата, несмотря на то что государства в значительной степени по-разному влияют на концентрацию парникового газа в атмосфере и по-разному подвержены последствиям изменения климата (п. 421).

Именно это вызвало разочарование на грани раздражения, которое отчетливо читается в особом мнении ряда судей МС ООН. Так, судья Себутинде в своем особом мнении подробно говорит об «исторической ответственности развитых или промышленно развитых государств за основной объем выбросов парниковых газов» (п. 9—10), прямо указывая, что надлежащие репарации могут включать денежные компенсации, лесовосстановление, восстановление биоразнообразия, предотвращение береговой эрозии, снижение долгового бремени, передачу технологий и восстановление инфраструктуры²⁶ (п. 12). Судья Юсуф в особом мнении был еще более категоричен, указав на то, что Суд не понял или сознательно уклонился от ответа на вопрос, прямо поставленный Генеральной Ассамблеей. По его мнению, задача, возложенная на Суд, состояла просто в том, чтобы разъяснить правовые последствия, вытекающие из действий или бездействия одной категории государств в отношении государств другой категории (п. 5)²⁷.

²⁶ ICJ, Obligations of States in respect of Climate Change, Advisory opinion of July 23, 2025 Separate opinion of Vice-president Sebutinde.

²⁷ ICJ, Obligations of States in respect of Climate Change, Advisory opinion of July 23, 2025 Separate opinion of judge Jusuf.

Правовые новации и фикции

Можно также отметить несколько правовых инноваций, сделанных МС ООН в Заключении по климату. Во-первых, суд вслед за национальными судами, судами по правам человека и договорными органами признал наличие отдельного права человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду, которое является неотъемлемой частью осуществления других прав человека (п. 393).

Во-вторых, суд примерил на себя роль «волшебника» при ответе на вопрос, что делать с государственностью тех островных стран, которые исчезают и исчезнут в результате климатических изменений. МС ООН решил, что на картах границы этих государств должны остаться неизменными. Такой подход рано или поздно приведет к возникновению ситуации физического отсутствия территории островного государства вследствие поднятия уровня океана при его сохранении на географических картах, которые отныне запрещено менять (п. 362—363). Иными словами, даже если государство физически исчезнет вследствие изменения климата, Международный Суд дарует ему виртуальное правовое бессмертие.

Предварительные выводы

Не думаю, что страны Глобального Юга остались полностью довольны итоговой аргументацией МС ООН. Достигнутыми оказались многие, но не все поставленные цели. Если это так, то перед нами — завершение первого этапа судебной стратегии этих стран, целью которой является получение крупных компенсаций за уже состоявшееся изменение климата (при самом циничном подходе реальные шаги государств по снижению темпов роста потепления никого не интересуют, интерес представляют только деньги за уже понесенный исторический климатический ущерб).

Следующим шагом может стать предъявление материальных требований в тот же МС ООН к тем европейским бывшим колониальным державам, которые не позаботились о своей правовой защите и по-прежнему сохраняют одностороннее признание обязательной юрисдикции МС ООН по возникающим спорам (это Германия, Италия, Испания, Бельгия, Великобритания).

Более перспективным направлением может стать предъявление требований частных заявителей в национальные суды к крупным компаниям — эмитентам парниковых газов государств-ответчиков. Перед нами лишь начало уже реализуемой стратегии по получению огромных сумм компенсации, используя в своих целях тренд общемировой обеспокоенности изменением климата.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исполинов А.* Несколько жизней доктрины императивных норм (*jus cogens*) в международном праве // *Международное правосудие*. — 2025. — Т. 15. — № 1 (53). — С. 70—97.
2. *Солнцев А.* Международный трибунал по морскому праву в поисках консенсуса: Консультативное заключение от 21 мая 2024 г. об изменении климата // *Международное правосудие*. — 2024. — Т. 14. — № 4 (52). — С. 38—49.
3. *Bhambra G. K., Newell P.* More than a metaphor: ‘climate colonialism’ in perspective // *Global Social Challenges Journal*. — 2023. — Vol. 2. — № 2. — P. 179—187.
4. *Ganguly G., Setzer Y., Heyvaert V.* If at First You Don’t Succeed: Suing Corporations for Climate Change // *Oxford Journal of Legal Studies*. — 2018. — Vol. 38. — № 4. — P. 841—868.
5. *Heede R.* Tracing anthropogenic carbon dioxide and methane emissions to fossil fuel and cement producers, 1854—2010 // *Climatic Change*. — 2014. — Vol. 122. — P. 229—241.
6. *Heri C.* The ECtHR’s KlimaSeniorinnen Judgment: A Cautious Model for Climate Litigation // *Spanish Yearbook of International Law*. — 2025. — Vol. 28. — P. 311—319.
7. *Klerk B. E.* The ITLOS advisory opinion on climate change: Revisiting the relationship between the United Nations Convention on the Law of the Sea and the Paris Agreement // *RECIEL*. — 2025. — № 34 (1). — P. 181—193.
8. *Kovács A., Luckner R., Sekula A., Kantorowicz J.* Beyond courts: Does strategic litigation affect climate change policy support? // *International Review of Law and Economics*. — 2024. — Vol. 79. — P. 1—10.
9. *Markell D., Ruhl J.* An Empirical Assessment of Climate Change in the Courts: A New Jurisprudence or Business as Usual? // *Florida Law Review*. — 2012. — Vol. 64. — No. 1. — P. 15—72.
10. *Reyes L., Burri N.* Transnational corporate liability in the era of loss and damages: the case of *Asmania et al. v. Holcim* // S. Zirulia, L. Sandrini, C. Pitea (ed.). *What future for environmental and climate litigation? Exploring the added value of a multidisciplinary approach from international, private and criminal law perspectives*. P. 97—125.
11. *Ricciardi P.* *Lliuya v. rwe*: A Leap Forward for Private Climate Litigation? // *Climate Law*. — 2025. — Vol. 15. — № 1—2. — P. 207—218.
12. *Savaresi A.* Climate change litigation: the role of international law // *Cambridge International Law Journal*. — Vol. 13. — № 2. — P. 286—299.
13. *Tranter B., Lester L., Foxwell-Norton K., Palmer M. A.* In science we trust? Public trust in Intergovernmental Panel on Climate Change projections and accepting anthropogenic climate change // *Public Understanding of Science*. — 2023. — Vol. 32. — № 6. — P. 691—708.